

Шамша И.В.

*Национальный университет «Одесская юридическая академия» (Украина,
г.Одесса),*

*доцент кафедры философии,
кандидат философских наук, доцент*

КРАСОТА (МИРА) КАК ИСКОМОЕ В ФИЛОСОФСКОМ ПОИСКЕ

Понимание философии как знания о красивом мышлении может привести к появлению ошибочного представления о том, что философия учит красиво говорить. Так сказать, «лить воду», красноречиво забалтывать собеседника ... Попробуем развеять это заблуждение, попутно положив красоту в качестве искомого в философском поиске.

Красота является главной категорией не только в эстетическом дискурсе, но и в философии в целом. При этом, эстетика не является чем-то *отдельным* от философии, а философия – от эстетики. Эстетика – это есть философия, а философия – эстетика. Это одно и то же, только рассмотренное под другим углом зрения. Для понимания этого очень важным является осознание того, что ключевые категории, пребывающие в центре внимания разных структурных элементов философского знания – бытие, истина, красота, добро, справедливость – это одна и та же реальность. То, что в онтологии именуется «бытием», в гносеологии именуется «истиной», в этике – «добром», в эстетике – «красотой», а в философии права – «справедливостью». Это одна и та же реальность, рассмотренная в разных ракурсах. Как в герменевтическом примере Бозэция, стремящегося проиллюстрировать триединство Бога – «клинок», «кинжал», «нож»: слова три, а предмет – один [1, с. 149].

Красота – онтологична. Именно поэтому для философии исконная идея единства красоты и истины – их связь очевидна для философа. Замечательной в этом смысле является мысль Гердера о том, что красота – чувственная форма истины. Анализируя эту мысль, А. А. Ивакин пишет: «Выше мы приводили выражение Гердера о том, что красота – это чувственная форма истины. Эта мысль идет от Платона, который в диалоге «Федр», стараясь понять и объяснить сущность любви, обращается к мифологии, называя исступленность,

которым наделяется любящий, даром бога Эрота. В результате такого божественного дара, творения неистовых затмевают творения здравомыслящих: данная исступленность позволяет человеку в красоте видеть истину. Ценность красоты, таким образом, чрезвычайно велика: среди всех других добродетелей она одна доступна чувственному усмотрению, для остальных же добродетелей необходимо внутреннее видение, осуществляемое разумом. Поэтому из всех видов исступленности наилучшая, по Платону, та, которая при взгляде на здешнюю, земную красоту, припоминает красоту истинную, красоту мира идей ...» [3, с. 300, 301]. Творческая деятельность представителей немецкого романтизма XVIII века в лице не только И. Г. Гердера, но и Ф. Шлеермахера, Ф. Шиллера и др., сделала единство красоты и истины «программным пунктом» этого направления философской мысли.

Если руководствоваться примечательным аристотелевским определением философии, утверждающем, что философия – это удивление миром, то красота будет исчерпывающим ответом на вопрос: «Чему удивляется философ?». То есть, философ удивляется тому, каким красивым может быть мир. И тут речь идет не о «красивости», не о «живописности» этого мира, которая открыта видению художника и понимание которой стало уже хрестоматийным. При этом существует эта живописность относительно независимо от человека, погруженного в непосредственный поток сознания, в свою обыденную повседневность. Речь идет о красоте, которая поражает душу человека, которая попадает в самый центр этого непосредственного потока сознания, заставляя остановить этот поток, устремив зрение ума (умозрение) к вечному, а не временному.

Являясь теоретической формой *миро-воззрения* (попросту – воззрения, взгляда на мир), философия строит (а может быть рисует, пишет?) *картину мира*. Только философ (в отличие от художника) пишет картину не красками, а категориями (или теми логическими инструментами, которые эквивалентны им). В качестве инструментов могут быть использованы категории (Аристотель, И. Кант, Ф. В. Й. Шеллинг, Г. В. Ф. Гегель), экзистенциалы (М. Хайдеггер), концепты (Ж. Делез). Не важно, какими именно инструментами пользуется философ для написания картины (мира) – эту картину невозможно написать без инструментов вообще. Это важно понимать тем иссле-

дователям, которые, будучи увлеченными хайдеггеровской или делезовской критикой категорий (как универсальных инструментов бытия и мышления), полагают, что картину мира можно создать *без* инструментов. Любой философ, критикуя нечто, предлагает более адекватную (на его взгляд) замену, но не отсутствие, не пустоту.

И вот философ пишет картину мира ... Он «пишет на холсте» то, что он *видит*. И тут целесообразной оказывается не теория живописи Р.Декарта, противопоставляющая субъект объекту, а теория *видения* М.Мерло-Понти. В соответствии с этой теорией, художник не просто пытается изобразить некий объект, а творчески преобразовывает его с помощью своего видения [4, с. 19]. Не просто, так сказать, не имея под рукой фотоаппарата (в XVII веке, когда философствовал Р.Декарт, не так легко было приобрести это устройство, как сейчас – нужно было подождать еще несколько столетий ...), художник пытается обходиться тем, что у него есть: рукой, кистью и красками. На самом деле художник сообщает свое видение увиденному, преобразовывая его.

Это же происходит и с философской картиной мира, в создании которой категории и методы выступают инструментами осуществления видения философа.

Сказанное позволяет увидеть несостоятельность компаративистского сопоставления философии и искусства – сравнительной характеристики, в ходе которой становятся «видны» их сходства и различия. Философия и искусство – это одно и то же, философия и есть искусство: искусство мышления. А красота – это тоже самое, что и бытие, и истина.

Как и на полотне художника, в философской картине мира объективная действительность предстает в снятом, окультуренном (с помощью видения) виде. Х.-Г.Гадамер в «Истине и методе» пишет, что «... так называемая действительность определяется как непреображенное, а искусство – как снятие этой действительности в ее истине» [2, с. 159]. Непреображенная действительность обретает свою истинность в философской картине мира, превращаясь в бытие. В этом ответ на вопрос о соответствии мышления познаваемому объекту. И на самом деле – а что если мир безобразен? Как его мыслить? – Красивым мышлением? Может быть, просто не замечать безобразного? – Нет, к нему нужно относиться как к непреображенному – то есть,

преображать (с помощью видения). В попытке такого преобразования искусство XX века предложило человечеству *эстетику безобразного*, показав, что даже безобразное, в принципе, эстетизируемо.

И это преобразование действительности – не досужая выдумка странного человека, оторванная от «объективного мира»: «Преобразование – это преобразование в истинное, а не очаровывание в смысле колдовства, ожидающее слова, освобождающего от чар; оно само – освобождение, возвращение в истинное бытие» [2, с. 159]. В результате: «Мир произведения искусства, в котором игра, таким образом, полностью выражается в единстве своего процесса, на деле представляет целиком и полностью преобразенный мир, по отношению к которому всякий может узнать, «как на самом деле» [2, с. 159]. То, как «на самом деле» – это не голый «объективный» каркас мира, не обезчеловеченная пустыня – именно так зачастую рисуется мир представителями естественных наук: как до- и вне- человеческий. В научных картинах мира часто оказывается, что действительность преобразенного мира принимается исследователем за истинную объективность, а роль человека сводится к роли существа, которое кроме недостатков, ничем не обладает. То есть, единство субъекта и объекта познания (которое и приводит к появлению любой картины мира) подменяется пафосом стремления к объективности, для которой субъект уже не нужен. Интересно, кто же тогда создаст эту картину мира, если не будет субъекта? И вот получается, что осознание человеком собственной ничтожности – и есть единственно возможная цель познания. «На самом деле» – это мир в его истине, другой мир не интересует философа (вернее интересует, но исключительно в аспекте сопричастности истине). У философского знания нет той объективности, которая есть у физики, но в то же время, философское знание обладает объективностью другого порядка. Объективность философии – это мир в его истине, а не просто мир.

Возвращаясь к мысли о том, что философия учит красиво говорить, скажем, что не нужно быть гегельянцем для того, чтобы рассмотреть красоту гегелевской логики. Красота философских построений сродни красоте построений математических, только (в отличие от математики) связана с жизнью мышления живого человека. Мышления человека, который живет, любит, страдает, осуществляет мучительный

поиск истины, пытается не упустить за временным вечного, позволив душе приподняться над обыденностью.

Литература:

1.Бозций. Каким образом троица есть единый Бог, а не три божества // Бозций. «Утешение философией» и другие трактаты. – М.: Наука, 1990. – С. 145 – 158.

2.Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г.Гадамер / Пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.

3.Ивакин А.А. Диалектическая философия: Монография / Алексей Аркадиевич Ивакин; Издание 2-е, перераб. и доп. – Одесса: Феникс; Сумы: Университетская книга; М.: ТрансЛит, 2007. – 440 с.

4.Мерло-Понти М. Око и дух / Морис Мерло-Понти; Пер. с франц., предисл. и коммент. А.В.Густыря – М.: Искусство, 1992. – 63 с.